

ЕГО

Русский Парнас

(Заметки о современных стихослагателях)

Передо мною целый ворох брошюр, присланных со всех концов России в редакцию «В<естника> л<итературы>»: девять десятых этого вороха составляют стихи. Саранча, от которой бедному Пегасу становится жутко, ибо каждый «саранчонок», даже самый маленький, стремится, говоря словами Пушкина, «оседлать упрямого Пегаса» и тем самым стяжать себе звание служителя муз.

Стихослагателей гораздо больше, чем поэтов, и подзаголовок моей статьи не случайно отмечает это обстоятельство. Идеологически они распадаются на три основные группы: импрессионисты, футуристы и (особняком) пролетарские поэты. Есть еще «центрифугисты», «эклектики», «неоромантики», «парнасцы», «акмеисты», «ничевоки» и пр., но они гораздо менее многочисленны и не имеют непосредственного отношения к литературной «злобе дня». О символистах говорить не приходится: направление это давно выяснилось; с точки же зрения новаторов — символисты — трупы, хлам, отжившее старье. Это не мешает многим из них заимствовать кое-что у символистов. Имажинистов — легион. Назовем только двоих, бесспорно талантливых, поэтов — Сергея Есенина («Радуница», 1915—1921 гг.; «Голубень», 1917, 1920; «Исус младенец», 1918; «Сельский часослов», 1919; «Преображение», 1919, 1921; «Ключи Марии», 1919; «Трерядница», 1920, 1921; «Исповедь хулигана», 1921; «Триптих», 1921) и Рюрика Ивнева («Самосожжение», 1912—1916; «Пламя пышет», 1914; «Золото Смерти», 1916; «Солнце во гробе», 1921). В творчестве Есенина и Ивнева не мало озорства и всяческой «маяковщины», тем не менее, это — подлинныя служители Парнаса. Что же касается остальных версификаторов, идущих под флагом имажинизма, то их Парнас явно помещается на Лысой Горе или в Желтом Доме.

Выделяется в футуристическом лагере по-прежнему слишком хорошо известный В. Маяковский. Но это направление уже утратило, в сущности, право на свое наименование. «Будетляне» уже отошли в прошлое и вновь нарождающиеся чахлые плоды будетлянского вдохновения пахнут архивной пылью. Даровитый Маяковский стал классиком *sui generis* *. То же придется сказать о Хлебникове. Некогда «подававшие надежды» и «эпатировавшие» буржуазную публику сорванцы канонизированы и вошли в кадры «маститых».

Среди пролетарских писателей есть несколько несомненных поэтов, с небольшим и не блестящим, но твердо определившим дарованием. Назовем Маширова, Бердникова, Крайского, Ионова. Первая книжка Ионова («Алое поле») одобрительно отмечена в свое время А. А. Измайловым на страницах «Вестника литературы»; вторая («Колос», 1921) также содержит несколько удачных и ярких стихотворений.

В стихах Дмитрия Мазнина («В дыму пожаров», 1921) сказывается, как и у большинства пролетарских поэтов, недостаточное овладение формой, чрезмерный перевес идеологического задания над художественной обработкой.

Василий Князев («Песни красного звонаря», 1919) поэтизирует фразы газетных передовиц довольно умело и ловко. Стихи его часто хороши по ритму, сильны и хлестки, отвечают запросам улицы. Те же газетные темы трактует Ив. Логинов («Накануне», 1919), не понимая, по-видимому, что от рифмованных политических лозунгов до подлинной поэзии — «как до звезды небесной далеко».

Особую группу составляет поэзия провинциальная, преимущественно созвучная пролетарским мотивам.

Здесь, на общем тусклом и сером фоне, выделяются два-три настоящих таланта. Укажем на Ив. Жижина (в сборниках «Крылья свободы», Иваново-Вознесенск, 1919, и «Красная улица» Ив.-Возн., 1920) Ник. Смирнова, Дм. Семеновского (в тех же сборниках). Независимо от тем, обрабатываемых этими поэтами, нужно признать у них большое мастерство. У Семеновского есть прекрасные, незабываемые строки, и было бы грешно не сказать, что его стихи могут стать вровень с достижениями общепризнанных поэтов. Горячей любовью к родной Руси и проникновенной близостью к природе напоены стихотворения Семеновского. Наконец, есть категория сборников, не входящая ни в одну из указанных групп. Это — стихи «староверов», пере-

* своего рода, особого рода (лат.). — Ред.

певающих мотивы Надсона и Фофанова, в лучшем случае прикрашенные бальмонтовщиной. Нечто безнадежное. Таковы тверичане М. Дудоров («Аккорды», 1920), Н. Рогожин («Листопад», 1921) и др. Тут обязательные «грезы», «мечты», «соловей», «луна» и т. п. стихотворная бутафория. Стихи тверичан не становятся лучше от того, что они объединяются в альманахи («Зарницы», 1920 г.), называют себя «никитинцами» (в честь И. С. Никитина) и привлекают к сотрудничеству незнакомцев с такими театральными фамилиями, как Хохунов-Уховский. Тверь не блещет яркими талантами. Печально, но факт.

Не блещет талантами и Казань, но небезынтересны сказки Абдуллы Тукаева (перевод с татарского П. Радимова) — «Шурале» и «Коза и баран» (1921), иллюстрированные гравюрами на линолеуме И. Плещинского. Переводы Верхарна В. Ключевой (1921) не более, чем удовлетворительны.

Стихи Э. Лишевой («Тайные песни» и «Минуты», Москва, 1919) не плохи, вполне гладки, но бесцветны, однообразны, анемичны.

Общее впечатление от всех этих книжек — безотрадное, почти удручающее. Три четверти, если не девять десятых, из того, что напечатано, было бы лучше не печатать. Лучше — и для авторов, и для читателей. Приходится утешаться тем, что нужны и плохие книги, полезны в качестве поучительного примера — «как не следует писать». Когда, после просмотра груды пестрых, тощих и дурно изданных брошюрок раскрываешь книги любимых поэтов, поэтов по призванию, а не по недоразумению — Блока, Белого, Кузмина, Анненского, Ахматовой, испытываешь щемящую душу тревогу, видя, какая пропасть лежит между этими «старыми кумирами» и новыми «служителями муз», побегами весенней травы: два разных мира, два невероятно разных мировосприятия!..

